

УДК 1(091):101

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.1.205

«РОССИЯ И ЕВРОПА» КАК ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: ДАНИЛЕВСКИЙ / ЧААДАЕВ / ИЛЬИН

Н.Ю. Гурьянов*, А.В. Гурьянова**

* ЧУОО ВО «Медицинский университет “Реавиз”», г. Самара

**ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»,
г. Самара

Рассматривается экзистенциально значимая проблема «Россия и Европа» в контексте традиции русской философии XIX – первой половины XX вв. Обосновывается ее актуальность с учетом вовлеченности в современную геополитическую ситуацию с разворачивающимся противостоянием России и коллективного Запада. Различные варианты разрешения проблемы рассматриваются на примере русской философии, наиболее значимых для ее понимания концепций – Н.Я. Данилевского, П.Я. Чаадаева, И.А. Ильина. Последовательно исследуются цивилизационный, западнический, патриотический и националистический (в духе И.А. Ильина) подходы к интерпретации проблемы. Получает обоснование гипотеза, согласно которой многие идеи и интуиции русских философов нашли свое логическое продолжение в последующей истории России и ее современности. Рассмотрены предложенные русскими философами варианты ответа «клеветникам» и «ненавистникам» России, раскрыто собственное им критичное отношение к западничеству, «европеизму» (европоцентризму) и распространенной русской «болезни европейничанья». Выделены и проанализированы такие прогрессивные в современном контексте идеи русской философии как полицентризм мирового исторического развития, специфика отдельных цивилизаций (в том, числе российской и европейской), самобытность России как становящегося культурно-исторического типа, уникальность русской идеи, ее принципиальная несводимость к европейским стандартам, а также теоретическое обоснование исторически сформировавшегося негативного отношения Европы к России.

Ключевые слова: русская философия, Россия, Европа, западничество, европоцентризм, цивилизационный подход, культурно-исторический тип, русская идея.

«Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику»

В.В. Путин

«Запад не знает и не ценит Россию... Вот уже полтора века лет Западная Европа боится России»

И.А. Ильин

«Европа не признаёт нас своими. Она видит в России... не чуждое только, но и враждебное начало»

Н.Я. Данилевский

© Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В., 2026

Современный мир переживает состояние тяжелейшего геополитического и мировоззренческого кризиса, спровоцированного текущим «столкновением цивилизаций» [10]. Этот кризис связан с фундаментальной перестройкой всей сложившейся системы миропорядка, ведомой неоколониальной политикой Запада. Вот уже не одно десятилетие Западный мир навязывает мировому сообществу безальтернативный «порядок, основанный на правилах». Правила эти вводятся западными элитами и произвольно видоизменяются в зависимости от субъективных (экономических, идеологических и пр.) предпочтений их создателей, приводя к реализации столь излюбленной Западом практики «двойных стандартов». Такая модель вызывает закономерное неприятие и отчуждение у многих стран современного мирового сообщества, в особенности у его наиболее сильных «игроков». В 2021 году Председатель КНР Си Цзиньпин призвал к отказу от одностороннего диктата Запада словами: «Мир нуждается в справедливости, а не в гегемонии»¹.

Сегодня, взамен агрессивно продвигаемой Западом модели однополярного развития, постепенно начинают вырисовываться контуры нового многополярного мира, адептом и идейным вдохновителем которого выступает современная Россия [1, с. 27]. В своей поворотной исторической Речи, произнесенной на Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин дал четко негативную оценку однополярному миропорядку: «...Что же такое однополярный мир? Как бы ни украшали этот термин, он в итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри». «...Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна... Сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации»².

Современная Россия ратует за альтернативную (многополярную) модель мирового развития, чем вызывает особую неприязнь к себе со стороны Запада, легко перерастающую в сознательно культивируемую западными элитами русофобию. Если проследить историю выстраивания взаимоотношений между Россией и Западом в течение нескольких последних десятилетий, то «...после краткой эйфории, связанной с разрушением СССР, европейский мир вновь вернулся к привычному состоянию – нагнетанию истерии вокруг несуществующей “русской угрозы” и безудержной антироссийской риторике» [6]. В дальнейшем ситуация усугубилась категоричным

¹ Председатель КНР Си Цзиньпин: «Уроки прошлого во имя будущего». Авторская статья для «Российской газеты». 07.05.2025. Режим доступа: <https://rg.ru/2025/05/07/uroki-proshlogo-vo-imia-budushchego.html> (дата обращения: 10.01.2026).

² Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10.02.2007. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 10.01.2026).

нежеланием коллективного Запада признавать вхождение Крыма в состав России, несмотря на проведение там референдума и однозначно высказанное волеизъявление его участников (2014). Западный мир также не принял вхождение в состав РФ четырех новых регионов (2022). В настоящее время коллективный Запад активно участвует в Специальной военной операции на стороне противников России, поддерживая их в военном, финансовом, политическом и информационном отношении.

Все это закономерно приводит к эскалации конфликта Западного и Русского миров. Причем, следует заметить, что данный конфликт отнюдь не нов, – он имеет довольно длительную историю существования. Неимоверно обострившаяся сегодня проблема взаимоотношений России и Запада вышла на повестку дня еще в далеком XIX в., вызвав повышенный интерес к себе со стороны тогдашней русской интеллигенции, пристальное внимание властей и небывалый ранее всплеск дискуссий и споров по данной тематике, в том числе осуществлявшихся в рамках русской философии. Постановку проблемы «Россия и Европа» в ее классическом варианте встречаем в творчестве великого русского поэта А.С. Пушкина. В своем знаменитом стихотворении «Клеветникам России» [8], созданном под впечатлением конкретных исторических событий, а именно Польского восстания 1830-1831 гг. и последующего взятия русскими войсками Варшавы, поэт, по существу, констатирует очевидное и прямо вопрошает современный ему коллективный Запад:

*«И ненавидите вы нас... За что ж? ответствуйте; за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили Европы вольность, честь и мир?
Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык!
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?» [8]*

Из приведенных строк А.С. Пушкина явственно следует, что современная поэту Россия противопоставляется Западу именно в качестве равновеликого и независимого от него образования. Этому во многом способствовала одержанная Россией блистательная победа в войне 1812 г., что вызвало геополитическую перестройку ее взаимоотношений с Европой, заставив последнюю не только считаться с собой, но и вынести на повестку дня вопрос о месте России среди других европейских народов. Вместе с тем (и это также находит отражение в «Клеветниках России»), не утратила своей актуальности и глубочайшая мировоззренческая проблема цивилизационного различия России и Европы. Разумеется, при желании, эти две цивилизации вполне мо-

гут сосуществовать, но они никогда не смогут стать родственными и, тем более, идентичными. Впоследствии вопрос о соотношении России и Европы стал неотъемлемым атрибутом философской рефлексии, осуществлявшейся русскими мыслителями, например, западниками и славянофилами.

Это тематика получила свое полновесное отображение и развитие в трудах известного русского философа и ученого Н.Я. Данилевского (1822-1885), в частности, в его работе «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» [4]. Высказанные в этом произведении идеи и сформулированные оценки легли в основание цивилизационного подхода, оказавшись во многом созвучными со славянофильской интерпретацией самобытности русского народа, признанием его принципиальной неевропейскости, проявляющейся в ходе развертывания российской истории, в специфике ее культуры и религии. Уже в названии работы Н.Я. Данилевского фигурирует заявка на противопоставление России и Европы как двух совершенно разных культурно-исторических типов, на основании чего осуществляется их сознательное дистанцирование друг от друга.

Отдельные разделы и подразделы «России и Европы» также носят содержательно «говорящие» названия, которые прямо указывают на спектр научно-исследовательских интересов автора работы: «Глава II. Почему Европа враждебна России? Россия не есть завоевательное государство. ...Россия не есть гасительница света и свободы. ...Невежество Европы относительно России. Европа не признает нас своими»; «Глава III. Европа ли Россия? ...Что такое Европа? ...Роль России, по мнению Европы ...Глава IV. «Цивилизация европейская тождественна ли общечеловеческой? ...Запад и Восток»; «Глава VII «Гниет ли Запад? ...Вероятно ли в настоящее время появление новой (славянской) культуры?»; «Глава XI. Европейничанье – болезнь русской жизни. ...Заискивание милости Европы. ...Гордыня России»; «Глава XV. Всеславянский союз. ...Россия должна быть противовесом Европе. ...История Европы в отношении к другим народам. ...Необходимость борьбы с Европой. ...Глава XVII. Славянский культурно-исторический тип» [4, с. 807–812].

Как видим, рефлексия Н.Я. Данилевским проблемы соотношения России и Европы выстраивается по нескольким основным тематическим направлениям: неприятие общечеловеческого статуса Европы и ее признание локальным (германо-романским) культурно-историческим типом; критика европоцентризма и производной от него «болезни европейничанья»; обоснование принципиальной неевропейскости России, самобытности славянского культурно-исторического типа, уникальности его исторического предназначения. Рассмотрим вкратце суть каждого из обозначенных направлений исследования, составляющих в совокупности содержательное наполнение «особой цивилизационно-ориентированной историософии» [3, с. 149] Н.Я. Данилевского – предвестницы будущего цивилизационного подхода.

В рамках разработанной русским философом теории культурно-исторических типов а priori не может существовать единообразная мировая история, как, впрочем, и универсальная, общая для всех локальных цивилизаций линия исторического развития. В этой связи оптимальной моделью мироустройства философ считал множественную, полицентричную – такую, «...когда бы все великие этнографические группы, на которые разделено человечество, одновременно развили лежащие в них особенности направления до культурного цвета; ...разом выказали всю полноту и все разнообразие заключающихся или заключававшихся в них сил, которые бы усугублялись плодотворным взаимодействием друг на друга» [4, с. 199].

Исходя из признания множественности локальных цивилизаций, их уникальности и самобытности, а также свойственной им разнонаправленности исторического развития, Н.Я. Данилевский постулировал недопустимость возвышения одной из них над всеми прочими. Хотя попытки реализации подобной тенденции (выстраивания взаимоотношений между цивилизациями по принципу доминирования одной из них над другими) периодически предпринимались в ходе мировой истории. Они были свойственны также и современности русского философа (XIX в.), где в полной мере заявила о себе мировоззренческая установка «европеизма» (или, современными словами, «европоцентризма»). Суть последнего сводилась к тому, что «судьбы Европы, или германо-романского племени, были отождествлены с судьбами всего человечества» [4, с. 102]. Для убежденного сторонника полицентризма, которым и был Н.Я. Данилевский, подобный сценарий взаимодействия цивилизаций, когда происходит возвеличивание одной из них (европейской) за счет всех остальных, является недопустимым.

Несомненной заслугой русского философа можно считать то, что, в целом, осуждая европоцентризм, он не допускал предвзятых оценок и безосновательной критики Европы, стараясь подойти к ней максимально нейтрально, сформулировать объективную оценку происходящего. По Н.Я. Данилевскому, «Европа есть поприще германо-романской цивилизации – ни более, ни менее» [4, с. 74]. И она ни при каких обстоятельствах не может быть отождествлена с цивилизацией «общечеловеческой». А если это все же произойдет, то будет чревато катастрофическими последствиями мирового масштаба: «...господство единственного культурно-исторического типа, распространяемое по всему миру, закономерно означает его постепенную деградацию. И, напротив, множественность и самобытность цивилизаций исключает саму возможность монополизации существующего миропорядка» [2, с. 88].

Настаивая на неприемлемости доктрины европоцентризма применительно к общему ходу мирового развития, Н.Я. Данилевский, по аналогии, переносит данный вывод и на систему взаимоотношений России и Европы. Современную ему Россию философ постоянно попрекал свойственной ей практикой «европейничанья», которое полагал «болезнью русской жизни» [4, с. 315] как таковой. Стране следует как можно быстрее начать избав-

ляться от искажения форм народного духа путем их тотальной европеизации, от бездумного переноса на нашу русскую почву чуждых форм сознания и институций европейского общества, от попыток переформулировать факты реальной российской действительности и истории путем их оценивания исключительно с позиций вовлеченности в общую систему европейского мировидения.

На принципиально важный в рамках проводимого рассмотрения вопрос «Принадлежит ли Россия к Европе?» [4, с. 73] философ дает однозначный ответ – отрицательный, комментируя его следующим образом: «К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью – нет, не принадлежит. Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного Древнего мира, – не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа... Она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу; как же может она принадлежать к Европе? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой. Она не заслужила этой чести, и если хочет заслужить иную, не должна изъяснять претензий на ту, которая ей не принадлежит» [4, с. 75–76].

Согласно Н.Я. Данилевскому, Россия представляет собой совершенно особенный, пока еще полностью не состоявшийся, но уже обладающий полноценным потенциалом для собственной самореализации культурно-исторический тип. Его становление будет возможным при условии преодоления «болезни европейничанья», отказа от «заискивания милости Европы», искоренения политики и практики «европеизма» из внешней и внутренней жизни страны. Этот будущий культурно-исторический тип уникален тем, что, в отличие от всех предшествующих и современных ему цивилизационных форматов (в том числе, и от германо-романского типа, который пока что «...находится в апогее своего цивилизационного величия» [4, с. 199]), славянский является более сложным в плане структурной организации, а именно «первым полным четырехосновным» [4, с. 611]. В нем должны слиться воедино в гармоничном и взаимодополняющем единстве его экономическое, политическое, научно-технологическое и религиозное основания.

Перспектива становления нового, славянского культурно-исторического типа неизменно вызывала неприятие со стороны европейского мира, что позволило Н.Я. Данилевскому констатировать неизменную, исторически проявлявшую себя «враждебность Европы к России и Славянству» [4, с. 563]. Осознание проблемы закономерно вызвало потребность в ее рефлексии, поиске первопричин происходящего. По мнению Н.Я. Данилевского, суть этой давно возникшей и прочно укоренившейся враждебности кроется в том, что «...Европа ...видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, ...что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды..., – материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему... Европа видит поэтому в Руси и в Славянстве не чуждое только, но и враждебное начало. Как

ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный, выветрившийся и обратившийся в глину слой, все же Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, которое имеет и силу и притязание жить своей независимой, самобытной жизнью» [4, с. 65–66].

Таким образом, проблема «Россия и Европа» является сущностной и во многом типичной для эволюции этих двух разных культурно-исторических типов. Отношения России и Европы складывались исторически, в условиях противодействия исходящей от Европы инициативы принуждения, подчинения, европеизации своего ближайшего соседа и ответной реакции неповиновения и сопротивления (временами инстинктивного, а временами осознанного) со стороны России. Данная диспозиция, проработанная Н.Я. Данилевским применительно к геополитической ситуации его современности (XIX в.), имеет далеко идущие последствия, дававшие о себе знать на протяжении последних 150-ти с лишним лет. Современное противостояние России и коллективного Запада, нашедшее выражение в волнообразном продвижении НАТО на Восток, в навязанном России Западом военном, политическом, экономическом и информационном противостоянии, в том числе в агрессивной политике санкций, двойных стандартов, оголтелой русофобии, – все это разные ипостаси некогда выявленной и зафиксированной Н.Я. Данилевским проблемы – соотношения и взаимодействия двух сильных, но очень разных цивилизаций.

Мировоззренчески противоположный цивилизационной концепции Н.Я. Данилевского, ярко выраженный западнический взгляд на проблему «Россия и Европа» представлен в творчестве П.Я. Чаадаева (1794-1856). В своих известных «Философических письмах» [11] мыслитель акцентирует вопрос об особенностях исторического пути России, существенно отличного от общего вектора развития европейского мира. Наиболее известным произведением философа считается его «Первое философическое письмо», в котором в сконцентрированном виде сосредоточена бескомпромиссная чаадаевская критика общественного строя и жизненного уклада современной ему России. Посредством противопоставления цивилизаций России и Запада, свойственного каждой из них особого народного духа и истории, культуры и религии, мыслитель выводит обсуждение в объемный пласт философско-исторической проблематики, затрагивающей вопросы о смысле мировой истории в целом, о месте и роли в ней отдельных народов (включая, разумеется, и русский народ, и народы европейского мира), а также суждения автора непосредственно о России и ее цивилизационной специфике.

В исследовательской литературе справедливо отмечается, что «философия П.Я. Чаадаева не просто европоцентрична, она содержит (чуть ли не впервые в истории русской мысли) обоснование европейской исключитель-

ности» [7]. И эта исключительность, в первую очередь, зиждется на избранной Западом католической вере, которую философ готов признать истинным направлением христианского вероисповедания. В случае же России, сделавшей свой исторический выбор в пользу православия, заимствованного из «растленной Византии», этот выбор обернулся роковой ошибкой, которую, к тому же, не представляется возможным исправить. Контраст вероисповеданий России и Европы (хотя речь, по сути, идет о разных ответвлениях одной и той же христианской религии), повлек за собой, по П.Я. Чаадаеву, цивилизационную отсталость России, ее оторванность от общего хода прогрессивного развития мировой истории (подразумевается, западного мира).

«Мы никогда не шли вместе с другими народами, – указывает философ, – мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось» [11]. Констатация данного факта означает, что в России так и не были внедрены православием непереносимые атрибуты западного социального бытия, привитые Европе католицизмом, – идеи, традиции, т. е. все те «необходимые рамки жизни», которые лежат в основании жизни и деятельности конкретного человека и общества в целом. К числу таковых философ относил представления о справедливости, порядке, праве и долге, которые составляют мировоззренческое основание европейского общества, формируют свойственную ему специфичную «атмосферу Запада», но абсолютно нетипичны для российской действительности и менталитета.

В ходе рассуждений, представленных в тексте «Первого философического письма», его автор неоднократно подчеркивает, что он не стремится безоговорочно идеализировать Запад, ведь «...в странах Европы не все исполнено ума, добродетели, религии, совсем нет» [11]. Не склонен он также приписывать развитию России одни лишь пороки, в особенности, учитывая то, что «...раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были... объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара» [11]. Однако этот колоссальный потенциал России так и не был задействован. Более того, за всю историю страны «...мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума... От нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды...» [11].

Сопоставляя Россию с другими народами, преимущественно, с «семейными», родственными друг другу народами Запада, П.Я. Чаадаев с прискорбием констатирует, что подобное сравнение будет, безусловно, не в пользу нашей страны: «То, что у других народов является просто привычкой, инстинктом, то нам приходится вбивать в свои головы ударом молота.

Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня... Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса... Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созрееваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т. е. по линии, не приводящей к цели» [11]. Таким образом, проблема «Россия и Европа» разрешается у П.Я. Чаадаева безоговорочно в пользу последней.

Что же касается «бездомной» и «странствующей» России, она, по существу, выводится на «задворки» мировой истории, «всеобщего движения человечества», находясь в положении вечно отстающей и догоняющей без каких-либо шансов на то, чтобы вырваться вперед или даже элементарно сравняться с лидером, в роли которого неизменно выступает Западный мир, задающий общий «прогресс народов Европы». Пытаясь дать современной ему России объективную и беспристрастную оценку, П.Я. Чаадаев вынужден заключить, что какие то ни было позитивные характеристики здесь попросту неуместны: «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя» [11]; «Провидение... как будто совсем не занималось нашей судьбой» [11]; «Наша история ни с чем не связана, ничего не объясняет, ничего не доказывает. Если бы орды варваров, потрясших мир, не прошли прежде нашествия на Запад по нашей стране, мы едва были бы главой для всемирной истории» [11].

Противостояние монгольскому нашествию – это, пожалуй, единственная замеченная П.Я. Чаадаевым и исторически значимая заслуга России. Во всем остальном страна являет миру лишь отрицательный пример, наглядно демонстрирующий всем прочим народам, как не следует жить и действовать. Отметим, что в истории русской философии сложно найти более критичную оценку России в ее сопоставлении с Европой, нежели та, которую преподнес в своем «Первом философическом письме» западник П.Я. Чаадаев. На что последовала вполне закономерная реакция и властей, и тогдашней российской общественности. Позднее западничество осуждалось многими видными представителями русской философии, в частности, Н.Я. Данилевским, считавшим его не более чем «пагубным заблуждением». Главный недостаток западничества философ усматривал в том, что оно «...отмеривает нам и братьям нашим жалкую, ничтожную историческую роль подражателей Европы, – лишает нас надежды на самобытное культурное значение, то есть на великую историческую будущность» [4, с. 562].

В этом же духе высказывался и А.С. Пушкин, сформулировавший ряд контраргументов в адрес «Первого философического письма» и собственных его автору прозападных установок. В своем личном письме к философу русский поэт выразил категоричное неприятие его позиции в отношении России, ее истории и потенциала ее грядущего развития. Для опровержения утверждавшейся П.Я. Чаадаевым «исторической ничтожности»

России, поэт приводит следующие аргументы: «Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж?» [9, с. 155–156].

Неприятие русского поэта вызывает и сформулированный П.Я. Чаадаевым тезис об отсутствии какого-бы то ни было значимого следа, оставленного Россией в общем ходе мировой истории. В целом, не оспаривая предъявленные автором «Философического письма» факты относительно того, что «...схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали» [9, с. 155], А.С. Пушкин подчеркивал, что «...у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. ...Так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех» [9, с. 155]. Эта «патриотическая отповедь» А.С. Пушкина в адрес убежденного западника П.Я. Чаадаева вызвала положительный отклик со стороны известного русского философа И.А. Ильина (1883-1954). Видного представителя русской постреволюционной эмиграции искренне восхищал «...духовный облик Пушкина, с его дивною прозорливостью и патриотизмом: ибо он ведал духовным опытом такую глубину России, которая оставалась недоступной духовному изгоя Чаадаеву» [5, с. 108].

Причем если высказанное А.С. Пушкиным несогласие с западническими взглядами П.Я. Чаадаева было представлено в довольно «мягком» формате дружественной критики, сам И.А. Ильин не скупился на гораздо более резкие и категоричные оценки. В вину своему западо-ориентированному предшественнику философ ставит, в первую очередь, то, что, проживая в исторически православной стране, «Чаадаев ...не признает на земле никаких ценностей, кроме римского католицизма...» [5, с. 105]. По сути, «...он растерял все традиции своего народа, чтобы отречься от Православия в презрительных словах и поставить католицизм мерою совершенства» [5, с. 107]. Согласно бескомпромиссной оценке И.А. Ильина, П.Я. Чаадаев был «...католическим снобом, невежественным поругателем своей родины, самодовольным парадоксалистом» [5, с. 107], а также «беспочвенным фантазером», за которого истинным патриотам своей Родины «...становится стыдно» [5, с. 107].

Чаадаевские оценочные суждения об истории России, о ее прошлом и настоящем И.А. Ильин называл «совершенно беспредметными» [5, с. 105];

«...парадоксальными выдумками, ...до смешного устаревшими, наивными и размашисто претенциозными» [5, с. 106]. Особое неприятие видного представителя русской эмиграции вызывало неоднократно озвученное П.Я. Чаадаевым скептическое отношение к русскому народу: «Когда, например, Чаадаев говорит, что русский народ есть “ничто”, “пустота”, *Tabula rasa*, без истории, без национальности, без традиции и без самопочинной деятельности, – то на самом деле это он сам не знал ничего о своем отечестве, над которым он надругивался... [5, с. 106-107]. «В своих письмах он поносил свой народ и свое отечество» [5, с. 107], упрямо не желая признавать за ними каких бы то ни было исторически значимых заслуг и достижений. И это в то время, когда «в начале XIX века Россия стояла непосредственно перед великим расцветом своей культуры, а Чаадаев не видел ни одного бутона, ни одной завязи из всего этого богатства и проклинал все естество русского духа, предсказывая ему засыхание на корню и гибель» [5, с. 105].

Сам И.А. Ильин, большую часть своей жизни проведенный в изгнании, вдали от Родины, не устал порицать ее «ненавистников», очень одухотворенно и проникновенно писал о «русской идее», о «национальной задаче», которые, собственно, и обуславливают нашу «драгоценную самобытность в сонме других народов» [5, с. 134] и, в частности, наше принципиальное отличие от стран европейского мира. Чтобы полноценно раскрыть видение философом этой основополагающей для России характеристики, следует обратиться к предложенной им интерпретации «русской идеи». Последняя представляет собой органически свойственную нашему народу и неотъемлемую от него «идею свободно созерцающего сердца» [5, с. 133]. Эта идея, в свою очередь, подразумевает, что «главное в жизни есть любовь» [5, с. 130], к которой русский народ был приучен исторически, посредством искренне разделяемых им и последовательно реализуемых в жизни заповедей православной христианской веры. «Созерцание» же (наших бескрайних просторов, красот русской природы и пр.) выступает ведущим проявлением русской любви (и русской веры).

Такое понимание русской идеи в значительной степени обуславливает свойственное философу отношение к рассматриваемой проблеме «Россия и Европа». В этом контексте сразу же следует отметить, что И.А. Ильин категорически отрицает весьма распространенную и активно поддерживаемую лидерами самого европейского мира трактовку «западной культуры» как общеобязательной. «Запад нам не указ и не тюрьма. – пишет философ. – Его культура не есть идеал совершенства. Строение его духовного акта (или вернее – его духовных актов), может быть, и соответствует его способностям и его потребностям, но нашим силам, нашим заданиям, нашему историческому призванию к душевному укладу оно не соответствует и не удовлетворяет. И нам незачем гнаться за ним и делать себе из него образец. У Запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения

в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом – смысл русской идеи» [5, с. 136].

Итак, Россия принципиально отлична от Европы, и эту нашу инаковость и самобытность И.А. Ильин последовательно обосновывает своими наблюдениями над разными ипостасями жизни и проявлениями реальной российской действительности. По сравнению с Европой, «у нас вся культура – иная, своя; и при том потому, что у нас иной, особый духовный уклад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям» [5, с. 85]. И при всей этой своей очевидной специфике, Россия не склонна дистанцироваться от Европы (как Европа от России), – напротив, она неизменно выражает готовность к коммуникации с ней, к продуктивному диалогу и общению. Чего, к сожалению, нельзя сказать о самой Европе, которая «...не знает и не ценит Россию» [5, с. 84]

И.А. Ильин задается закономерным вопросом о причинах такой последовательно проявлявшейся в течение всей русской истории антипатии и приходит к выводу, что, чисто формально, это проистекает из чуждости европейскому миру русского языка (который Европа сама же сознательно вытеснила за свои пределы), неприемлемости для нее православной веры и особого, совершенно непонятного западному миру русского созерцательного мироощущения. «Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением, и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты, как “глупости”; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести и искренности» [5, с. 85]. Все эти отличия провоцируют не только мировоззренческие расхождения, но и активно подпитывают западническую русофобию, нарастающий страх Европы, испытываемый ею в отношении России.

Самобытность России испокон веков вызывала недовольство и особую антипатию со стороны западного мира. Одновременно не понимая и опасаясь России, его адепты неустанно призывали (и призывают) к ее ослаблению и расчленению, а по факту, к «ликвидации исторически национальной России» [5, с. 101]. Анализируя прогностические планы, вынашиваемые Западом в отношении России, И.А. Ильин четко фиксирует их деструктивную, разрушительную направленность: «Им нужна слабая Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в расчленении. Им нужна Россия с убывающим народонаселением... Им нужна Россия безвольная, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоволении... Им нужна Россия расчлененная, по наивному “свободолюбию” согласная на расчленение и воображающая, что ее “благо” – в распадении. Но единая Россия им не нужна» [5, с. 99].

Однако в действительности, ни Запад, ни прочие сочувствующие ему страны международного сообщества ничего не выиграют для себя от планируемого Европой расчленения России. Реализация этого наихудшего из возможных для России сценариев повлечет за собой поистине катастрофические последствия, причем не только для самой России, но и для всего мирового сообщества. «Территория России закипит бесконечными распрямами, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. ...Россия превратится ... в вечный источник войн; в великий рассадник смут. ...Расчлененная Россия станет неизлечимой язвой мира [5, с. 111]. Поэтому русофобские проекты Запада, базирующиеся, по большей части, на его ненависти и властолюбии, а priori не должны быть реализованы. Итоговый прогноз И.А. Ильина относительно западных претензий на ослабление и расчленение России выглядит довольно оптимистичным (по крайней мере, в отношении нашей страны): «Россия ... есть величина, которую никто не осилит, на которой все перессорятся...» [5, с. 121].

Вне зависимости от реального положения дел в стране, от конкретных событий российской истории и обусловивших их обстоятельств, готовности или же неспособности России к ним адаптироваться и им противостоять, императивом развития страны должен стать следующий принцип: «...Мы призваны и обязаны идти своим путем, ...мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы...» [5, с. 136]. Во взаимоотношениях с Европой Россия также должна отказаться от необдуманного заимствования, слепого копирования и заискивающей подражательности, — она должна всегда поступать по собственному разумению, в соответствии с установками ее «национального духа», ибо «мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим» [5, с. 136].

Несмотря на откровенно враждебное отношение Запада к России, И.А. Ильин верил в свою Родину, в силы русского народа, в его будущность. Он писал: «Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании» [5, с. 122].

Подводя итоги проведенному рассмотрению, отметим, что анализ экзистенциально значимой проблемы «Россия и Европа» был проведен на материалах русской философии XIX — первой половины XX вв. Для ее осмысления были привлечены наиболее значимые и разнонаправленные в плане ее разрешения концепции — Н.Я. Данилевского, П.Я. Чаадаева, И.А. Ильина. Также были продемонстрированы цивилизационный (Данилевский), западнический (Чаадаев), патриотический (А.С. Пушкин) и националистический (Ильин) подходы к ее интерпретации. В ходе исследования было показано, что многие идеи и интуиции русских философов нашли свое логическое продолжение в последующей истории России и ее современности.

Многие аспекты рассматриваемой проблематики, затронутые русскими философами в XIX–XX вв., оказались актуальны в контексте развернувшегося сегодня масштабного геополитического противостояния России и коллективного Запада. Это такие идеи из активов русской философской мысли как полицентризм мирового исторического развития, самобытность отдельных цивилизаций (в том, числе российской и европейской), недопустимость сведения всего богатства мировой истории к одному знаменателю (то есть к европоцентризму), самобытность России как становящегося культурно-исторического типа, уникальность русской идеи, ее принципиальная несводимость к европейским стандартам и клише, попытки дать достойный ответ «клеветникам», «ненавистникам» и «расчленителям» России, а также теоретически обосновать исторически формировавшееся враждебное отношение Европы к России.

Список литературы

1. Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. Глобализация в формате многополярности: философско-мировоззренческое обоснование глобополицентризма // Философская мысль. 2024. № 4. С. 20–33.
2. Гурьянова А.В., Тимофеев А.В. Об исторической миссии России в контексте цивилизационного подхода // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 84–94.
3. Гурьянова А.В., Тимофеев А.В. Проблема «европейничания»: прогностический потенциал цивилизационной историософии Н.Я. Данилевского // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2024. № 1 (67). С. 148–157.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
5. Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. М.: Алгоритм, 2007. 464 с.
6. Лактионова Н.Я. Россия и Европа: геополитический вектор. 28.06.2017. URL: https://ruskline.ru/analitika/2017/06/28/rossiya_i_evropa_geopoliticheskij_vektor/ (дата обращения: 10.01.2026).
7. Музафаров А.А. Проблема «Россия и Европа» в истории отечественной мысли. 05.06.2016. URL: <https://www.oboznik.ru/?p=48682> (дата обращения: 10.01.2026).
8. Пушкин А.С. Клеветникам России. М.: РГ-Пресс, 2025. 32 с.
9. Пушкин А.С. Письмо Чаадаеву П.Я., 19 октября 1836 г. Петербург // Пушкин: Письма последних лет, 1834–1837. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1969. С. 153–156.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2024. 640 с.
11. Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Философические_письма_\(Чаадаев\)#ПИСЬМО_ПЕРВОЕ](https://ru.wikisource.org/wiki/Философические_письма_(Чаадаев)#ПИСЬМО_ПЕРВОЕ) (дата обращения: 10.01.2026).

«RUSSIA AND EUROPE» AS A PROBLEM OF RUSSIAN PHILOSOPHY: DANILEVSKY / CHAADAEV / ILYIN

N.Yu. Guryanov*, A.V. Guryanova**

* Medical University «Reaviz», Samara

** Samara State University of Economics, Samara

The article examines the existentially significant problem of «Russia and Europe» in the context of the tradition of Russian philosophy in the 19th and first half of the 20th centuries. The relevance of this problem is proved taking into account the current geopolitical situation and the ongoing confrontation between Russia and the collective West. The article explores various approaches to solving this problem through the context of Russian philosophy and the most significant conceptions, such as those of Nikolay Danilevsky, Pyotr Chaadayev, and Ivan Ilyin. The article consistently examines the civilizational, Westernist, patriotic, and nationalist (in the spirit of I.A. Ilyin) approaches to interpreting the problem. It substantiates the hypothesis that many of the ideas and intuitions of Russian philosophers have found their logical continuation in the subsequent history of Russia and its modernity. The article examines the variants suggested by the Russian philosophers of a response to the «slanderers» and «haters» of Russia, and reveals their critical attitude towards Westernism, «Europeanism» (Eurocentrism), and the widespread Russian «disease of Europeanization». The following progressive ideas of Russian philosophy in the modern context have been chosen and analyzed: the polycentrism of global historical development, the specificity of individual civilizations (including Russian and European civilizations), the individuality of Russia as a new-forming cultural and historical type, the uniqueness of the Russian idea, its fundamental irreducibility to European standards, and the theoretical justification of Europe's historically formed negative attitude towards Russia.

Keywords: *Russian philosophy, Russia, Europe, Westernism, Eurocentrism, civilizational approach, cultural and historical type, Russian idea.*

Об авторах:

ГУРЬЯНОВ Николай Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ЧУОО ВО «Медицинский университет «Реавиз»», г. Самара. E-mail: nik.guryanow@yandex.ru

ГУРЬЯНОВА Анна Викторовна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», г. Самара. E-mail: annaguryanov@yandex.ru

Authors' information:

GURYANOV Nikolay Yuryevich – PhD, Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Department of Humanities of Medical University «Reaviz», Samara. E-mail: nik.guryanow@yandex.ru

GURYANOVA Anna Viktorovna – PhD, Prof., Head of Philosophy and History Dept. of Samara State University of Economics, Samara. E-mail: annaguryanov@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2026.

Дата принятия рукописи в печать: 22.02.2026.